

Василий Дробов

Очкарик

18+

Василий Дробов

Очкарик

«Автор»

2026

Дробов В. Н.

Очкарик / В. Н. Дробов — «Автор», 2026

«Очкарик» — мистический триллер о следователе Анне, которая проникает в зловещий дом 17, чтобы найти пропавшую подругу Катю. Там она сталкивается с Очкариком — загадочной фигурой, хранящей чужие страхи и вину, и узнаёт, что дом питается чужими переживаниями. Чтобы спасти Катю, Анне придётся не просто разгадать тайну, а победить собственные чувство вины и страх — и понять, какую цену готов взять этот дом за чужую свободу.

© Дробов В. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Дробов

Очкарик

Пролог

Город засыпал неохотно — будто боялся того, что приходит вместе с темнотой. Старые кварталы, где дома стояли плечом к плечу, словно прятали друг друга от ветра, особенно не любили ночь. В этих переулках тени казались гуще, а тишина — тяжелее.

На самой окраине, там, где асфальт давно уступил место растрескавшемуся бетону, стоял дом номер 17 по улице Тупиковой. Название было неслучайным: улица действительно заканчивалась тупиком, и дальше не было ничего, кроме ржавых гаражей, зарослей бурьяна и глухого забора, за которым когда-то работал небольшой завод. Теперь завод был мёртв, и дом 17 будто перенял эту тишину — тяжёлую, вязкую, в которой даже эхо звучало как чужой шёпот.

О доме ходили слухи. Не те, что рассказывают у костра ради смеха, а те, от которых люди невольно понижали голос, будто стены могли услышать. Говорили, что в нём жил человек, которого все называли просто — Очкарик. Никто не помнил его настоящего имени. Будто само прозвище стёрло всё остальное.

Он редко выходил на улицу. Если и появлялся, то только в сумерках, когда свет фонарей ещё не успел разогнать темноту, но уже делал её резче, контрастнее. Он шёл медленно, ссутулившись, в старом пальто, которое, казалось, было старше самого дома, и в очках с толстыми стёклами. Эти очки стали его знаком — таким же узнаваемым, как клеймо. Дети шептались, что стёкла у него не простые: через них он видит не лица, а страхи. Взрослые усмехались, но старались не смотреть ему вслед.

А потом он исчез. Просто перестал появляться. Дом стоял пустой, но никто не спешил его занимать. Даже бездомные обходили его стороной. И тогда начали происходить странные вещи.

Сначала это были мелочи. Кто-то клялся, что видел свет в окне на втором этаже, хотя в доме не было электричества уже лет десять. Другие утверждали, что слышали шаги на скрипучей лестнице, хотя там давно не ступала ничья нога. Потом пропали вещи: старая кошка, которая жила у соседнего подъезда; велосипед, оставленный у входа в подвал; даже пустая бутылка, которую кто-то бросил у крыльца. Пропадали не потому, что их украли, — они просто исчезали, будто растворялись в воздухе.

И каждый раз, когда кто-то пытался подойти к дому поближе, ему казалось, что из темноты на него смотрят. Не глаза — а именно взгляд, тяжёлый, внимательный, будто его изучают. И в этом взгляде было что-то знакомое... что-то, напоминающее те самые толстые стёкла очков.

Спустя несколько лет город почти забыл про Очкарика. Дом 17 стал частью городского фольклора — страшилкой для подростков, поводом для шуток. Но те, кто помнил, знали: забыть — не значит, что всё закончилось.

И вот однажды ночью, когда туман поднялся от земли и заполнил улицы, словно вода, в доме снова загорелся свет. Слабый, дрожащий, будто от свечи. И кто-то — или что-то — прошёл по скрипучим половицам, оставляя за собой тишину, которая была громче любого крика.

С этого момента всё изменилось.

Глава 1

Анна не верила в призраков. Ни в детстве, когда мальчишки пугали её историями про «чёрную руку», ни в юности, когда подруги тащили её на спиритические сеансы, ни сейчас, в тридцать два года, когда её работа требовала холодного расчёта и фактов. Она была старшим следователем, и её оружием были протоколы, улики и логика. А не шёпот из темноты.

Но сегодня логика подводила.

Катя пропала три месяца назад. Официально дело закрыли: версия — уехала, не предупредив. Неофициально Анна знала: Катя не могла так поступить. У неё была привычка писать Анне по три сообщения в день: «кофе ужасный», «опять дождь», «вижу кота в шапке». И вдруг — тишина. Ни одного сообщения. Ни намёка.

И вот теперь Анна стояла у дома 17 по улице Тупиковой, чувствуя, как холод пробирается под куртку, хотя вечер был не таким уж морозным. Дом смотрел на неё тёмными окнами, будто знал, зачем она пришла.

Рядом нервно переминался с ноги на ногу Игорь — стажёр, которого начальство «прикрепило» к Анне «для помощи и опыта». Он явно хотел быть где угодно, только не здесь.

— Может, ну его? — пробормотал Игорь, косясь на крыльцо, доски которого прогнили настолько, что напоминали сломанные зубы. — Тут даже собаки не лают. Это ненормально.

Анна промолчала. Она не собиралась заходить внутрь. По крайней мере, не сегодня. Ей нужно было просто посмотреть. Оценить. Понять, почему все свидетели, которых она опрашивала по делу Кати, в какой-то момент замолкали, если речь заходила об этом доме. Почему соседка Кати, пожилая женщина, вдруг схватила Анну за рукав и прошептала: «Не ходи туда. Он всё ещё там».

«Он». Очкарик.

Анна достала блокнот и начала записывать: состояние фасада, следы у крыльца, наличие камер (их не было), состояние забора. Обычная рутина. Но стоило ей наклониться, чтобы рассмотреть странный узор на земле — будто кто-то волочил что-то тяжёлое, — как в одном из окон второго этажа мелькнул свет.

Не уличный фонарь. Не отражение. Тонкая, дрожащая полоска, будто кто-то провёл по комнате зажигалкой. Или свечой.

Игорь это тоже заметил. Его лицо стало почти серым.

— Это... это может быть кошка, — неуверенно сказал он, хотя ни одна кошка не даст такой ровный, узкий луч света.

Анна медленно подняла голову. Окно было грязным, покрытым слоем пыли и паутины, но сквозь него всё равно чувствовался взгляд. Тяжёлый, внимательный, будто изучающий. И в этом взгляде было что-то знакомое — то самое ощущение, будто тебя видят не снаружи, а изнутри, будто считывают страхи.

Именно так описывали Очкарика те, кто когда-то жил на этой улице. «Он смотрит сквозь очки и видит всё».

Анна сжала ручку так, что пальцы побелели.

— Мы заходим, — сказала она ровным голосом, хотя внутри всё кричало: «Беги».

— Что?! — вскрикнул Игорь. — Вы с ума сошли? Там никого нет, или там есть что-то, чего нам видеть не надо!

— Там может быть улика, — ответила Анна, делая шаг к крыльцу. Скрип старой доски прозвучал как выстрел. — Или свидетель. Или просто перегоревшая проводка. Но я не уйду, пока не узнаю точно.

Она потянулась к ручке двери — ржавой, с облупившейся краской. Та поддалась неожиданно легко, словно её недавно смазывали. Дверь распахнулась, впуская запах сырости, пыли и чего-то ещё — чего-то металлического, похожего на кровь.

В прихожей было темно. Слишком темно, будто тьма здесь была не отсутствием света, а чем-то плотным, почти осязаемым. Анна щёлкнула фонариком. Луч выхватил облупившиеся обои, старые газеты на полу и на стене — выцветшую фотографию в рамке. На ней был мужчина в очках с толстыми стёклами. Его лицо было размыто, будто кто-то специально стёр черты, но глаза оставались чёткими. Холодными. Пронзительными.

Очкарик.

Анна почувствовала, как по спине пробежал ледяной ток.

— Господи... — прошептал Игорь за её спиной. — Это он? Это тот самый?

Анна хотела ответить, но не успела. Где-то в глубине дома, за закрытой дверью, раздался звук — лёгкий, едва уловимый, но от него кровь стыла в жилах.

Это был скрип стула. Будто кто-то медленно повернулся на нём, чтобы посмотреть на гостей.

И следом — шёпот. Тихий, но отчётливый, словно говорили прямо у неё над ухом:

— Ты пришла слишком поздно.

Анна резко обернулась, водя фонариком по комнате. Никого. Только пыль кружилась в луче света, танцуя, как крошечные призраки.

— Вы слышали? — спросил Игорь дрожащим голосом.

— Да, — коротко ответила Анна, хотя ей хотелось сказать «нет». Хотелось притвориться, что это просто ветер, просто старый дом стонет от ветра. Но ветер не шепчет по именам.

А этот шёпот, кажется, знал её имя.

Она сделала ещё один шаг вперёд, чувствуя, как пол прогибается под ногами. В голове билась одна мысль: «Катя была здесь. Я чувствую это».

И тут лампочка в коридоре, которой не должно было быть, вдруг вспыхнула тусклым, жёлтым светом. Она мигнула раз, другой, а потом загорелась ровно, заливая пространство болезненным светом.

На противоположной стене, прямо напротив Анны, висела ещё одна фотография. Новая. На ней была Катя. Она улыбалась, но её глаза были пустыми, будто она смотрела не в объектив, а сквозь него — туда, где стояла сейчас Анна.

Под фотографией кто-то вывел красным маркером: «Теперь ты следующая».

Игорь закричал. Звук его голоса разорвал тишину, как нож. Он развернулся и бросился к выходу, спотыкаясь о старые доски. Анна хотела крикнуть ему, чтобы он остановился, но слова застряли в горле.

Потому что из темноты коридора медленно вышел человек.

Он был невысоким, сутулым, в старом пальто и очках с толстыми стёклами, которые скрывали его глаза. Он шёл неторопливо, будто у него было всё время мира.

Когда он остановился в трёх шагах от Анны, она наконец увидела его лицо. Или то, что от него осталось. Кожа была бледной, почти прозрачной, а под ней виднелись тёмные вены, будто по ним текла не кровь, а густая, чёрная тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.